

Олег Васильевич Кильдюшов –
философ, переводчик, публицист

Нормализация как угроза?

Борьба за нормативное представление о России в различных проектах будущего

Борьба за нормативность представлений о России — это своеобразный передний край смысловой войны за ее будущее. И эта борьба в современной России будет только усиливаться по мере политической институционализации различных идейно-эстетических проектов нового русского будущего. Причем все конкурирующие смысловые комплексы — вне зависимости от их конкретного содержания — пытаются утвердить собственное понимание России в качестве нормативного, то есть обязательного, общезначимого — как единственно соответствующего «ис-

тине», «смыслу истории» и т.д. Несмотря на явно идеологический характер подобных притязаний, эта неожиданная привязка будущего к норме вполне объяснима функционально. Во всех политико-футурологических конструкциях и концептах, несмотря на присущий им идеологический туман, явственно проступают базовые представления их авторов и носителей о том, какое положение вещей в стране они считают само собой разумеющимся, как бы естественным — то есть нормальным. Стоит ли говорить, что сами эти базовые представления не подвергаются со стороны протагони-

С точки зрения политической эпистемологии, претендующие на нормативность идейно-эстетические комплексы (образы будущего), по сути, являются квазирелигиозными программами спасения некой нормативной истины о России.

стов никакой особой рефлексии — опять-таки в силу своей нормативности, очевидности и даже банальности. Именно поэтому они выступают фундаментом для дальнейших идеологических построений и спекуляций: предполагаемая «нормальность» таких идеологов является условием их политической и дискурсивной «действенности». Сами проекты будущего предстают как попытки реализа-

ции этой «истинной» нормы — например, как восстановление нормальной ситуации, как преодоление ненормального положения страны. То есть, с точки зрения политической эпистемологии, подобные претендующие на нормативность идейно-эстетические комплексы (образы будущего), по сути, являются квазирелигиозными программами спасения некой нормативной истины о России.

Примечательно, что важный теоретический вклад в анализ роли нормативных представлений о своеобразном целостном порядке, рассматриваемом в качестве «нормального», был сделан крупным немецким правоведом и политическим мыслителем Карлом Шмиттом, прославившимся утверждением в своей «Политической теологии» как раз обратного тезиса: «Нормальное не доказывает ничего, ис-

Любые дискурсивные конструкции – и проекты будущего здесь не исключение – отсылают к структурообразующим понятиям о «нормальном» состоянии, которые сами по себе могут быть абсолютно ненормальными с точки зрения и здравого смысла, и психиатрии.

ключение доказывает все; оно не только подтверждает правило, само правило существует только благодаря исключению». Пройдя со временем заметную творческую эволюцию, Шмитт обосновал и развил более очевидный тезис: все политические и правовые конструкции базируются на «представлениях о том, что

может рассматриваться в качестве нормальной ситуации, кто является нормальным человеком и каковыми являются конкретные фигуры жизни, рассматриваемые в качестве типичных». При этом «их понятия того, что является нормальным, нормальным типом и нормальной ситуацией, заключены в них самих».

Стоит ли говорить, что поздняя версия шмиттовского решения проблемы нормативно-го более соответствует нашим интуициям о норме: любая норма предполагает нормальную ситуацию и нормальные типы социального и политического действия. А любые дискурсивные конструкции – и проекты будущего здесь не исключение – отсылают к подобным структурообразующим понятиям о «нормальном» состоянии, которые сами по себе, как известно из нашей политической истории, могут

быть абсолютно ненормальными с точки зрения и здравого смысла, и психиатрии...

Плюрализм в одной голове, или Карта представлений о «нормальном будущем» России

«Новая» российская государственность существует уже два десятка лет, и за это время было создано огромное количество программ и концепций будущего нашей страны и постсоветского пространства. Проведем небольшой обзор нынешнего состояния и структуры претендующих на нормативность представлений о России, релевантных для формирования образов ее будущего, включая анализ основных представлений о нормальном для нее состоянии. Рассматривая базовый концептуальный уровень ведущих проектов будущего, мы сможем сделать определенные выводы относительно их прагматической состоятельности. Какая нормативная

Дискурс о нормативном будущем России существует в рамках разрозненных и часто несводимых ментальных карт, сложенных из крайне гетерогенных элементов – осколков различных традиций понимания того, что нормально для России и соответствует ее «сущности», или «миссии» в мире.

картина мира лежит в их основе? Насколько такие «нормы» пригодны в качестве основы для политической практики? Преодолен ли хотя бы частично разрыв между часто экзотическими теориями русского будущего и реально существующими проблемами, стоящими перед обществом? Наконец, насколько уместны дерзкие футурологические амбиции части элит в условиях наличия довольно скромных ресурсов страны?

Несмотря на то, что некоторые выдвигаемые концепции и образы будущего мотивированы необходимостью дискурсивного освоения реального положения РФ в современном мире, значительная их часть все же напоминает скорее хрестоматию по истории идей, нежели концептуально-

аналитическую разработку реальных сценариев нового русского будущего. При этом в целом дискурс о нормативном – то есть «правильном» – будущем России существует в рамках разрозненных и часто несводимых ментальных карт. Такие карты сложены из крайне гетерогенных элементов – осколков различных традиций понимания того, что нормально для России и соответствует ее «сущности», или «миссии» в мире. Российские интеллектуалы и политики предлагают свои варианты ответа на вопрос о (используя выражение Аристотеля) «естественном месте» России в будущем мире. Причем часто без какой-либо привязки к реальным проблемам страны и самым острым темам общественной дискуссии (нелеги-

Представления российских интеллектуальных элит о будущем отражают скорее всю противоречивость процесса поиска новой русской идентичности, нежели прагматическое решение задачи разработки принципов и приоритетов будущего развития России в окружающем ее мире.

тимная власть, коррупция, межэтнические противоречия, неконтролируемая миграция и т.д.), иногда полностью игнорируя их и оставаясь в сфере некоей «геополитической метафизики». Так, старые и новые западники и славянофилы и их наследники и конкуренты — «атлантисты», «великодержавники», антиглобалисты, «многополярники», «евразийцы» и пр. — продолжают свои дискурсивные сражения за нормативное (само)понимание России. Они делают это, как правило, через ее позитивное/негативное соотне-

сение с Другими. Прежде всего с «Западом» («Европой») и «Востоком» («Евразией»). Постоянное обращение политиков, ученых и интеллектуалов, выступающих в качестве авторов проектов и прожектов будущего России, к внешним акторам часто является выражением определенных ментальных трудностей. Подобные трудности возникают у современного российского общества при определении нормального пути развития. Именно поэтому такой, говоря словами философа Чарльза Тэйлора, «не-артикулиро-

ванный конфликт» конкурирующих нормативных представлений о России обходится практически без серьезной прагматической аргументации. Этим может объясняться и мирное сосуществование внутри одного политического дискурса часто противоречащих друг другу положений. Так, например, утверждения наших доморожденных либералов типа «Россия есть неотъемлемая часть Европы» может спокойно уживаться в одной голове с мыслью «Россия и Запад — стратегические партнеры», несмотря на очевидную логическую ошибку *pars pro toto* («часть вместо целого», *лат.*). А радетели русского величия среди неоевразийцев («имперцев») могут ничтоже сумняшеся искать светлое будущее нашей страны

Конструируется не только враждебный Другой, но и дружественный Другой, который часто даже не подозревает о приуготовленной ему роли и является или идеализированным подобием самой России, или, напротив, неким образцом, к которому Россия должна стремиться.

Возникновение «патриотического консенсуса» произошло в значительной части как реакция части элит и обслуживающих их интеллектуалов на структурный кризис государства и общества на пространстве исторической России.

на Востоке, несмотря на то, что в русском культурном тезаурусе для обозначения неприемлемости этого сомнительного варианта существует топоним «азиатчина»...

В значительной своей части представления российских интеллектуальных элит о будущем во многом остаются чисто (инстру)ментальными, отражая скорее всю противоречивость процесса поиска новой русской национально-культурно-государственной идентичности, нежели прагматическое решение задачи разработки принципов и приоритетов будущего развития России в окружающем ее мире. При этом в поиске «нормального» — то есть подобающего

России — места в мире («в ряду цивилизованных стран») значительную роль играет топоним интеграция/изоляция: так, страх оказаться на «задворках Европы» «органично» соседствует здесь с требованием сохранения национальной самобытности. А угроза раствориться в глобальной мировой цивилизации ментально преодолевается посредством проекции неких российских ценностей и приоритетов на другие культуры, страны и даже цивилизации, назначаемые на роли квазиестественных объектов особой миссии России («исламский мир», «евразийское пространство»). При этом используется даже не дуальная

модель, а своеобразная триада: дискурсивно конструируется не только враждебный Другой («коварный Запад», «мировое правительство»), не поддающийся никакой локализации в силу фантомного характера, но и дружественный Другой («Великий Китай», «арабский мир»), который часто даже не подозревает о приготовленной ему роли и является или идеализированным подобием самой России, или, напротив, неким образцом, идеалом, то есть опять-таки нормой, к которой Россия должна стремиться в своем будущем развитии.

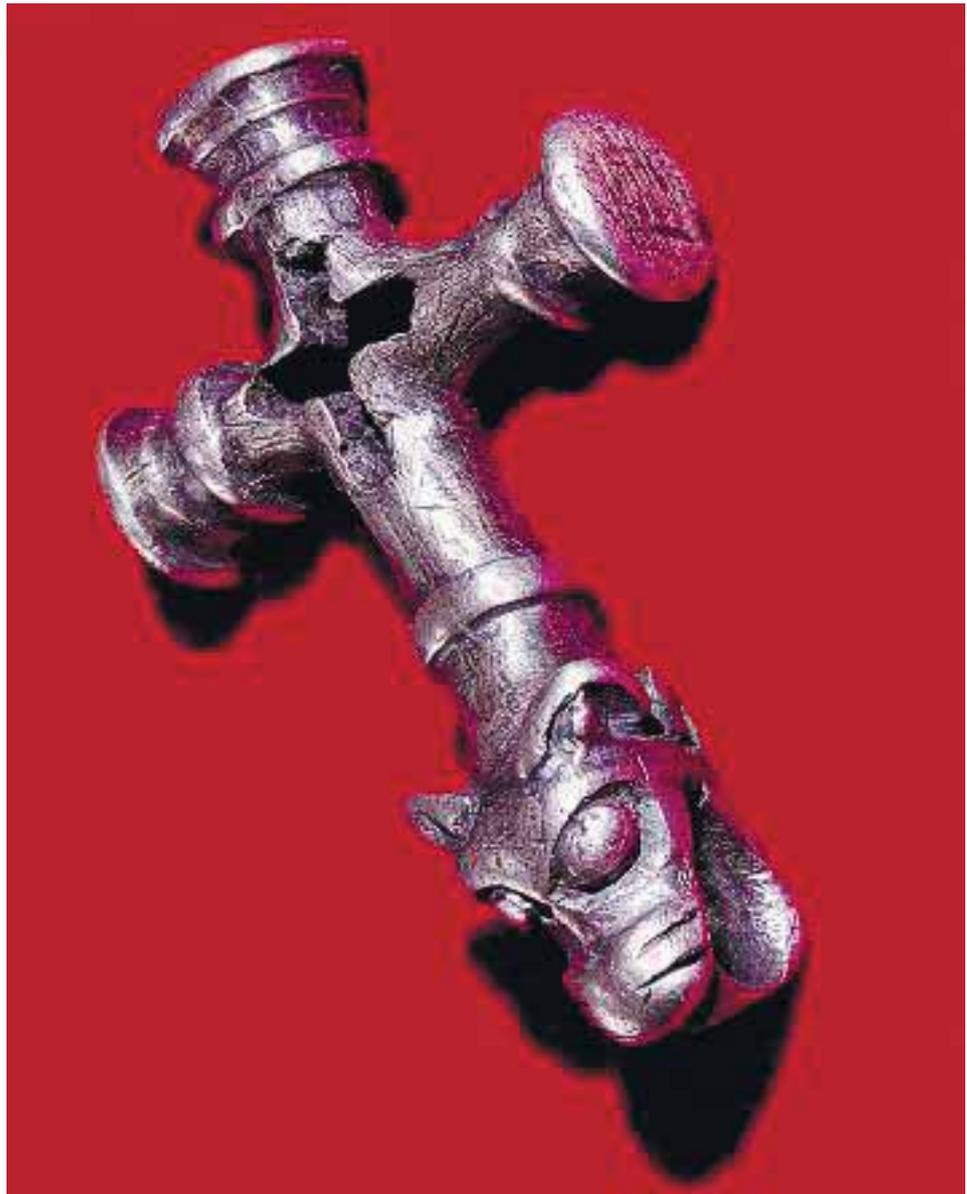
В рамках ментальной картографии русского будущего можно аналитически выделить несколько основных концепций и образов, претендующих на нормативный характер и структурирующих все интеллектуальное поле:

♦ превращение России в «нормальную европейскую страну» — нормативная либеральная позиция прозападной ориентации, направленная на будущую интеграцию России в существующие структуры Запада («цивилизованного мира»);

♦ возрождение России как «великой державы» — нормативная для традиционалистских кругов (причем как для «белых», так и для «красных») идея возрождения былого величия России с целью решительного противодействия агрессивным планам Запада;

♦ превращение РФ в русское национальное демократическое государство — взгляд относительно нового политического течения (национал-либералы, национал-демократы), пытающегося объединить традиционные либеральные ценности с идеей русского национального освобождения. Хотя такое понимание нормального пути развития России пока окончательно не сформировалось, тем не менее оно представляется перспективным с точки зрения образа русского будущего и — в отличие от многих своих догматических конкурентов — имеет определенный теоретический и прагматический интерес.

Помимо приведенных, можно зафиксировать еще более экзотические и радикальные образы русского будущего. Например, наподобие изоляционистской концепции, в которой нормальной для России оказывается ситуация ее гордого одиночества и автаркии типа Северной Кореи. И хотя элементы этих «концепций» могут присутствовать в других программах, взятые в чистом виде, они, по сути, являются примером отказа от активного участия в реальном русском будущем и вряд ли заслуживают здесь отдельного рассмотрения.

В качестве первоочередных целей русского будущего нормативная великодержавность постулирует возрождение России как великой державы и восстановление ее влияния (российско-имперского или советского типа) в ближнем зарубежье, Евразии и далее везде.

Нормативная великодержавность: ненормальность как норма

Понятие «великодержавники» объединяет буйную поросль теорий и концепций, которые — при всех их различиях в деталях — сгустились во второй половине 90-х годов до состояния «патриотического консенсуса». Возникновение обозначенного политико-се-

мантического комплекса идей произошло в значительной части как реакция части элит и обслуживающих их интеллектуалов на структурный кризис государства и общества на пространстве исторической России. Основными его носителями являются традиционалисты разных мастей (включая коммунистов), а ключевым пунктом — континентально-евразийская, или евроазиат-

Сегодня конъюнктурно востребованы евразийские и прочие геополитические химеры со всеми вытекающими из них «радостями» – чрезвычайщиной, мобилизацией, оборонным сознанием, противостоянием с Западом, милитаризацией и, наконец, войной как перманентным состоянием.

ская ориентация России, которая противопоставляется прозападной и евроатлантической. Содержательно неопределенные, часто даже мистические представления («Русская идея», «особый путь России») сочетаются в основном с антизападными и прежде всего антиамериканскими тезисами. Основные пункты этой программы состоят в том, что нынеш-

нее положение ненормально для России, так как не соответствует ее «исторической норме» – быть великой державой со своей уникальной миссией (что бы под этим ни понималось), принципиально непохожей на другие, более или менее «нормальные», страны. В качестве первоочередных целей русского будущего здесь постулируются возрождение

России как великой державы и восстановление ее влияния (российско-имперского или советского типа) в ближнем зарубежье, Евразии и далее везде. При этом удивительно мало внимания уделяется конкретному содержанию этого влияния: остается непонятным, что именно Россия будет предлагать миру, помимо танков «Уралвагонзавода»... Сторонники восприятия России как «принципиально ненормальной страны» представлены практически во всех течениях так называемого патриотического лагеря: это национал-державники всех ма-

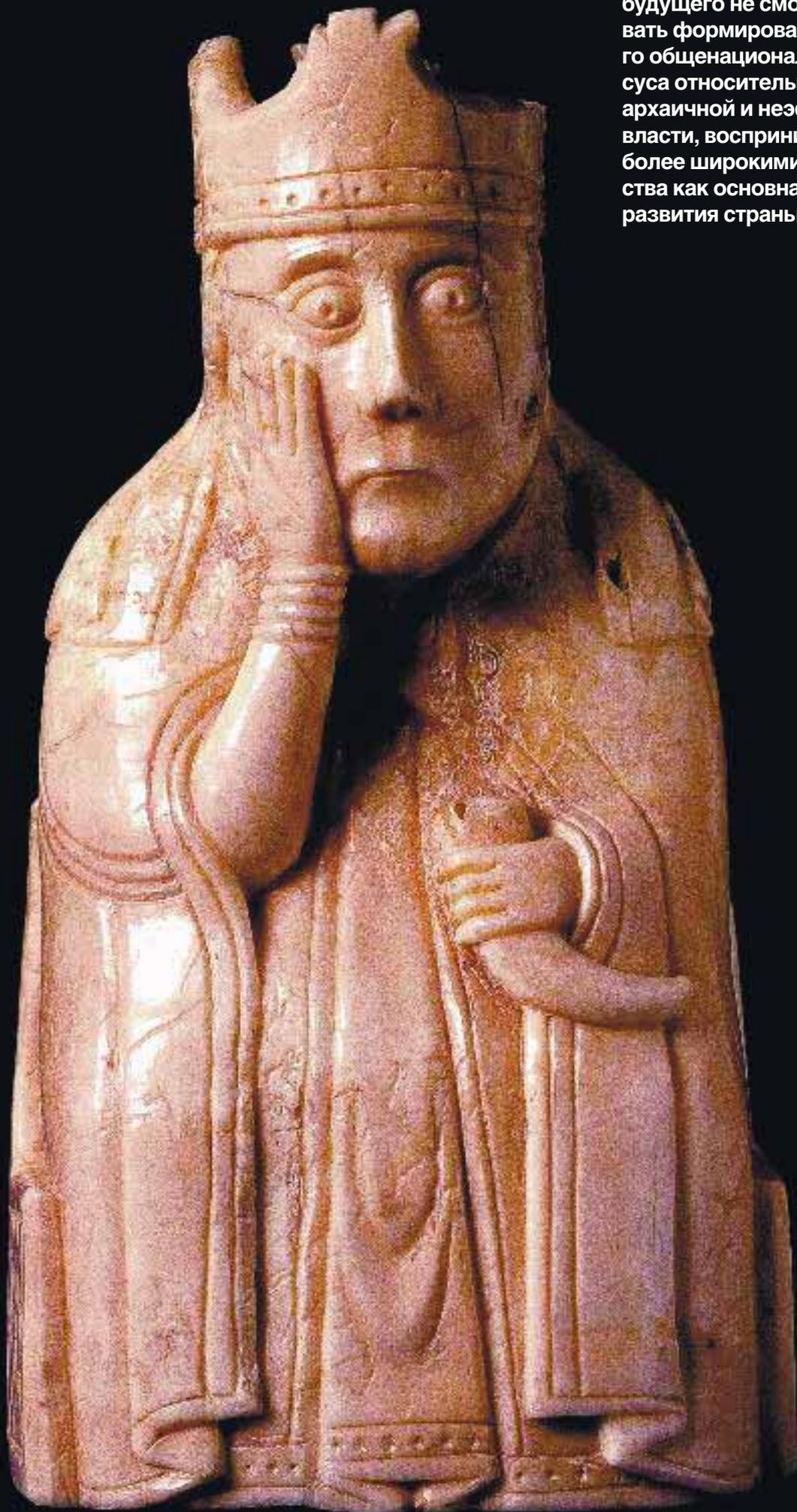
стей, включая советских монархистов, православных коммунистов и прочих носителей инфантильных версий русского будущего. Здесь следует особо подчеркнуть именно структурное сходство между всеми этими неутомимыми борцами за возрождение «величия России», якобы конкурирующими друг с другом. Общим для всей этой публики с ее кампаниями по поводу «красной империи», «белой монархии», «православной автаркии» является готовность видеть будущее нашей страны в каких угодно, даже самых эк-

Ставка на ненормальность как норму получила серьезную поддержку властей во время последних избирательных кампаний, значительно подорвав предшествующие усилия самой элиты по модернизации общественного сознания и нормализации общественно-политического дискурса.

зотических, прожектах — причем вопреки воле абсолютно большинства населения. Сегодня выглядят конъюнктурно востребованными евразийские и прочие геополитические химеры, обычно подаваемые со всеми вытекающими из них «радостями» — чрезвычайщиной, мобилиза-

цией, оборонным сознанием, противостоянием с Западом, милитаризацией и, наконец, войной как перманентным состоянием. Единственное, чего нельзя найти в таком будущем России, так это права людей на нормальную русскую жизнь в человеческом, а не геополитическом смысле.

Великодержавные версии будущего не смогут торпедировать формирование негативно-общенационального консенсуса относительно нынешней архаичной и неэффективной власти, воспринимаемой все более широкими слоями общества как основная преграда для развития страны.

Караваджо. Медуза Горгона. 1598–1599

Права на создание комфортной институциональной среды для творческой самореализации и развития талантов и компетенций людей — для себя и своих детей, поскольку сами русские рассматриваются здесь как расходный антропологический материал для реализации неких «трансцендентных» проектов и глобальных «миссий».

Примечательно, что подобная ставка на ненормальность

Либеральная программа будущего России предусматривает ликвидацию как материальных, так и ментальных структур, доставшихся РФ в наследство от СССР. Сторонники этого сценария считают возможным превращение России в нормальную западную страну.

как норму русской жизни, то есть на перманентный мобилизационный сценарий, получила серьезную поддержку властей во время последних избирательных кампаний, значительно подорвав пред-

шествующие усилия самой элиты по модернизации общественного сознания и нормализации общественно-политического дискурса. Однако такие сомнительные версии будущего вряд ли смогут тор-

Следование нормативным западным моделям развития лишь подчеркивает неспособность либеральной части российской элиты на концептуальном уровне решить проблему русского будущего – утверждаемое ею представление о России имеет выраженный (не)колониальный характер.

педировать формирование негативного общенационального консенсуса относительно нынешней стилистически архаичной и функционально неэффективной власти, воспринимаемой все более широкими – а не только «продвинутыми» – слоями общества в качестве основной преграды для развития страны в направлении демократизации, модернизации, словом – нормализации русской жизни и демобилизации русского народа из истории войн, катастроф и геополитических авантюры с их перманентной опрични-

ной и прочими проявлениями оборонного сознания.

Атлантическая Россия: нормальная, как Дания

Интерпретация России как (потенциально) обычной европейской страны сложилась еще на рубеже 80–90-х годов прошлого века на базе наивно-романтических представлений о будущем, популярных среди радикально-либеральной публики – так называемой демшизы. Она базировалась на четкой концептуальной схеме в духе «конца истории»

Фрэнсиса Фукуямы: всерьез велась речь о возвращении страны в сообщество «нормальных», «цивилизованных» стран, под которыми понимались исключительно государства Запада. Окончание холодной войны воспринималось как конец любого противостояния между государствами ввиду полного совпадения их интересов, каковыми рисовались мир, демократия и всеобщее процветание во всем мире. Строились далекоидущие планы относительно достойного места РФ в глобальном мире. В рамках подобного сценария нет места военной мощи и борьбе за влияние, поскольку престиж РФ отныне заключается в успехах в глобальной экономической конкуренции и развитии демократии по западному образцу.

Либеральная программа будущего России предусматривает ликвидацию как материальных, так и ментальных структур, доставшихся РФ в наследство от СССР: отказ от военного противостояния с Западом, заключение с ним «стратегического партнерства», сотрудничество с НАТО вплоть до вступления в эту структуру, политическую кооперацию с западными «союзниками» в Совете Безопасности ООН и т.д. Сторонники этого сценария считают возможным превращение России в нормальную западную страну (типа Дании), исходя из предположений о совпадении западных интересов с российскими и из явно нереалистичной оценки готовности Запада оказать помощь в экономическом и технологическом возрождении России. В приведенной нормативной для либеральной части истеблишмента модели русское будущее оказывается глубоко вторичным: оно прочно вписано в западные футурологические построения. И уже поэтому Россия не должна отвлекать свои и без того ограниченные ресурсы на конфронтацию с Западом, а наоборот сделать ставку на «общие интересы». Стоит ли говорить, что утверждаемое в рамках этого типа дискурса нормативное представление о России во многом имеет ярко выраженный (нео)колониальный характер, поскольку основывается на западных образцах, несмотря на всю проблематичность прямого копирования институтов и на неприемлемость внешнего управления с точки зрения национального суверенитета. Таким образом, само следование нормативным западным моделям развития лишь подчеркивает неспособность либеральной части российской элиты на концептуальном уровне решить проблему русского будущего.

Нормализация русской жизни как позитивная программа национал-демократии

В отличие от двух предыдущих программ будущего России (великодержавной мобилизации и либеральной утопии), национал-демократический сценарий представляет собой более прагматический вариант развития России, исходящий из реальных проблем большинства. Более того, само утверждение этого национально-демократического вектора можно рассматривать в качестве главного вызова русской модернизации — особенно если учитывать антидемократические элиты и существующую недемократическую институциональную рамку: речь идет о создании русского национального демократического государства в интересах большинства, а не узкого элитного слоя или Запада. Таким образом, борьба за утверждение новой — национал-демократической — повестки дня обусловлена структурными потребностями самой русской жизни.

В процессе общественного самоопределения русская национал-демократия буквально на глазах становится платформой для формирования нового нормативного понимания России. В таком понимании артикулируются реальные интересы демократического большинства, соединяющие в рамках одной программы будущего до сих пор не решенные задачи русской национальной революции (создание современного национального государства) с делом русской свободы (демократизацией всех общественных институтов).

Позитивная программа этой версии русского будущего с его практически неограниченной социальной базой, потенциально включающей все большинство граждан, радикально отличается от программ «любимых врагов» правящей

клептократии в лице либералов и традиционалистов-реваншистов главным образом с точки зрения социологии политики: артикулируемые в ней интересы суть реальные интересы миллионов новых собственников и участников новых массовых культурных практик, заинтересованных прежде всего в нормализации и стабилизации ситуации в важнейших сферах жизни — обеспечении безопасности, защите прав и свобод и др. Массовый запрос на новое нормативное понимание России здесь является лишь логическим продолжением запроса на новую институциональную политику.

Стоящая сегодня перед национал-демократами теоретическая задача концептуализации будущего не ограничена простой критикой политико-правового фасада позднего путинского режима: теоретикам-интеллектуалам и политикам-практикам русской национал-демократии еще только предстоит предложить обществу полноценную альтернативу существующей системе, приемлемую для абсолютного большинства. Но одно ясно уже сейчас: остановить формирование запроса на русское будущее в интересах большинства невозможно никакими политтехнологическими уловками и запретами.

■

Хотя задача концептуального определения основных параметров нашего нового будущего оказалась непосильной для значительной части политической и интеллектуальной элиты нынешней России, его поиски тем не менее продолжаются. При этом ключевым вопросом русской политической жизни сегодня вновь является борьба за нормативное представление о том, в какой стране мы хотели бы жить: *la lotta continua* («борьба продолжается», *um.*)! 🇷🇺